

В. В. Гордиенко

доцент Уманского государственного педагогического университета
им. Павла Тычины, Украина

ФОРМЫ РЕЛИГИОЗНОЙ АКТИВНОСТИ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ В СОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья опубликована в РФ у збірнику «Государство, общество, церковь в истории России XX века»: материалы XIII Междунар. науч. конф., Иваново, 12 – 13 марта 2014 г.: в 2 ч. – Иваново. гос. ун-т, 2014. – Ч.1. – 612 с. – С.62 – 66.

Духовная сила народа особенно ярко проявляется в его способности в исключительно тяжелых условиях сохранять верность своей религии и своим традициям. В 30-х гг. прошлого века в СССР коммунистический режим почти полностью уничтожил основы существования Российской православной церкви. Такая же судьба постигла и другие православные конфессии, которые появились в результате подрывной деятельности советских спецслужб. Атеистическая пропаганда и деятельность Союза Безбожников достигла невиданных масштабов. Однако ликвидировать религиозность простых людей и приверженность к своей вере не удалось. Об этом свидетельствуют многочисленные факты открытого и скрытого проявления сопротивления антирелигиозной политике советской власти. Стихийно сформировались различные способы удовлетворения религиозных потребностей простых людей. Их изучение представляет особый интерес в контексте комплексной исторической реконструкции жизнедеятельности Русской православной церкви в XX веке.

Российские и украинские историки начали разработку этой проблемы еще в прошлом веке (Васильева О.Ю. Русская православная церковь в 1927 – 1943 годах // Вопросы истории. 1994. №4. С.40-45; Гордун С. Русская православная церковь при святейших патриархах Сергии и Алексии // Вестник русского христианского движения. 1990. №158. С.82-142; Єленський В.Є. Державно-церковні взаємини на Україні (1917 – 1990). К.: Знання, 1991; Киридон А.М. Більшовицька держава і православна церква в Україні. 1917 –1930-ті роки. Полтава: АСМІ, 2004; Одинцов М.И. Государство и церковь: История взаимоотношений 1917 – 1938. М.: Знание, 1991). Исследователи обратили внимание на то, что государственная политика борьбы с «религиозными пережитками», значительно разрушив институты церкви, способствовала переходу религиозной жизни в «подполье». Вследствие этого изучение религиозной жизни периода «окончательного наступления на религию и церковь» значительно усложняется. «Катакомбное» состояние церкви не способствовало тому, чтобы осталось достаточно исторических источников. Поэтому нужно использовать все документы, иногда даже и неожиданные, которые способны нести информацию о состоянии религиозной жизни и ее формах. Так, киевский еженедельник Союза Безбожников Украины «Безбожник», рассказывая о «достижениях на фронте борьбы с религиозными

пережитками» в Украине, не желая этого, показывает как сопротивлялись граждане атеистической политике советского государства.

Источники дают возможность определить, что религиозная жизнь в Украинской Советской Социалистической Республике накануне и в начальный период Второй мировой войны не прекращалась. Она проявляла себя на нескольких уровнях и в разных формах.

Власть оставила несколько православных приходов в советской Украине. Известно, что в 1940 г. функционировало два православных храма в Киеве (Зернов И. Русское религиозное возрождение XX века. Р.: УМСА-press, 1991), по одному храму в Харьковской и Полтавской областях (Пащенко В.О. Держава і православ'я в Україні: 20-30-ті роки XX ст. Полтава, 1993), по одному храму оставалось в Одессе и Ворошиловграде (Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995). Эти приходы функционировали исключительно на основе энтузиазма верующих и политического расчета советской власти. Прихожанами городских церквей были преимущественно жители окрестных сел, в которых уже закрыли или полностью ликвидировали церковь. Власть допускала существование этих приходов для того, чтобы сохранить видимость свободы совести в стране и, главное, для того, чтобы держать под контролем религиозную жизнь и выявлять чрезмерно активных прихожан. Эти несколько церквей были похожи на изолированные островки в океане страха и атеистической агрессии. Они не имели высшего церковного руководства потому, что почти все архиереи были арестованы или расстреляны. Оставшиеся в живых архиепископ Антоний (Абашидзе), митрополит Феофил (Булдовский) и экзарх Синодальной церкви Владимир (Злобин) не имели никаких связей с действующими приходами.

Однако, несмотря на опасность, оставшиеся храмы посещало много верующих. Так, в Мелитополе осенью 1940 г. был арестован священник местной Кручанско-Алексеевской церкви Иван Биба. Его признали виновным в «спекуляции» и осудили на 5 лет заключения. Только за первое полугодие 1940 г. в его приходе было продано свечек на 33270 руб., а за продажу проскур храм получил 11705 руб. (Безбожник. Київ. 1940. 16 листопада).

Епископ Чилийский Леонтий, который в годы нацистской оккупации Украины был в составе иерархии Автономной церкви, после войны говорил, что в предвоенные годы в немногих действующих храмах органы НКВС специально оставляли по два священника, которые сотрудничали с ними и были обязаны доносить не только на прихожан, но и друг на друга (Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С.182). Архивно-следовательское дело священника церкви на Байковом кладбище в Киеве Шпановского П.А., который был арестован осенью 1940 г., полностью подтверждает слова епископа Чилийского. Арестованный священник действительно принадлежал к числу «добровольных помощников органов» (ЦДАГО України. Ф.263. Оп.2. А/с №32642. Арк.29). Несмотря на это, вокруг действующих приходов накануне и в первый период Второй мировой войны объединялись бывшие священники, монахи, монахини, которые, в свою

очередь, возобновляли контакты с верующими на периферии и по-возможности поддерживали религиозную жизнь в республике.

Поскольку действующих церквей в советской Украине почти не осталось, стихийно возникло уникальное явление, известное в научной литературе как «церковь в чемодане». Сохранилось немало свидетельств о том, что священники и монахи, переходя с одного места на другое, осуществляли отдельные религиозные таинства и обряды. Например, украинский еженедельник «Безбожник» сообщает следующее: «На шахте №100 в Голубовке (Донбас) недавно появился бродячий поп и... провел несколько крещений в шахтеров» (Безбожник. Київ. 1939. 17 січня). Ясное дело, что этого священнослужителя немедленно выявили бдительные безбожники. О дальнейшей судьбе «бродячего попа» можно только догадываться. Для нас важным есть то, что даже в этом традиционно пролетарском регионе сохранились православно-христианские традиции.

Иногда священник, не имея возможности работать в церкви, часть обрядов и треб осуществлял у себя на дому. Так, священник из села Есауловка Ворошиловградской области имел настолько высокий спрос у населения, что даже возникшие на железнодорожной станции всех приезжих спрашивали «не к батюшке ли?». Возле его дома всегда была очередь верующих (Безбожник. Київ. 1940. 12 жовтня).

Чаще всего бывшие священники, тщательно скрывая свой сан, поселялись в деревне и шли работать в местный колхоз. Но не проходило и нескольких дней, как о священнике уже знала вся окрестность и люди ночью, скрываясь от безбожников, шли к нему. Иногда крестины и молебны такой священник проводил и в соседних селах. Длительность его миссии зависела от совести местных колхозных активистов. Сельским безбожникам, например стало известно, что священник Василий Волошин, который жил в селе Ивановка Хмельевского района Каменец-Подольской области, крещения детей и молебны проводил в соседнем селе Малая Камнирка (Безбожник. Київ. 1939. 17 січня).

После закрытия всех монастырей в советской Украине остались тысячи монахов и монахинь, которые пытались в тяжелых условиях тотального контроля не только советских спецслужб, но и сотен тысяч «добровольцев-безбожников» воссоздать основы монашеского способа жизни. Большой интерес в этом отношении представляют несколько публикаций в органе украинских безбожников. В январе 1940 г. в еженедельнике появилась заметка «Подпольный монастырь». Автор рассказал о том, что органы НКВД раскрыли в Киеве «контрреволюционное монархическое кубло» под видом подпольного монастыря. Поводом для начала преследования верующих стали похороны бывшей игуменьи одного из киевских женских монастырей Елизаветы (Шепелевой). Многочисленность процессии и ее церковно-православный характер были расценены властями, как попытка «антисоветской демонстрации». Из публикации можно узнать, что подпольный монастырь объединял группу бывших киевских монахов и монахинь. С целью конспирации они заключали фиктивные браки и устраивались на работу на предприятия Киева. Монахи создали кассу взаимопомощи и жилищный фонд. «Безбожник»

сообщает, между прочим, и о том, что монахи подпольного монастыря объявляли себя принадлежащими к «единой православной апостольской церкви» патриарха Тихона. Из публикаций в «Безбожнике» невозможно понять, в чем же заключалась «антисоветская деятельность» людей, которые в советской повседневности пытались вести монашеский образ жизни. По-видимому только за это активные деятели подпольного монастыря А. Лупандина, К. Лупандина, Е. Ключник, Х. Ключник, М. Плужник, М. Сылиян были осуждены, каждый соответственно, на 10 лет тюремного заключения (Безбожник. Київ. 1940. 11 січня).

Выявлением недовольства народа преследованиями православной церкви можно считать распространения разных слухов о «чудесах». Так, например, в 1939 году в Бобровицком районе на Черниговщине из уст в уста передавалось известие, что в селе Ярославки в местном клубе, в который активисты-безбожники превратили церковь, каждое утро слышны рыдания Богородицы (Безбожник. Київ. 1940. 3 березня).

Настроения верующих ярко выражены в письме инвалида Петра Визнюка, которое он направил руководителям советской Украины. В письме автор откровенно заявлял: «Наша дорогая Отчизна Украина готовится к обороне от внешних врагов и не оглядывается на внутреннюю войну, которую готовят свои же враги, то есть, Союз безбожников – безбожники так нагло выступают против православной религии, что скоро может вспыхнуть народное восстание, где может случиться кровопролитие, а в это время внешние враги могут направить свои военные силы на Украину. Избавиться от такой печальной участи можно только тогда, когда последует распоряжение высших органов власти, чтобы Союз безбожников так дерзко не выступал против православной веры...» (ЦДАГО України. Ф.1. Оп.23. Спр.7519. Арк.10).

Проявлением пассивного сопротивления антирелигиозной политике советской власти можно считать массовые прогулы на предприятиях и в колхозах в дни православных праздников. Следует помнить, что в условиях жесточайшего рабочего законодательства 30-х годов невыход на работу был чреват серьезными последствиями для верующего. Тем не менее, на Рождество 1940 года, как сообщает украинский еженедельник «Безбожник», в колхозе им. Горького Кагарлицкого района Киевской области несколько дней подряд в бездействии простояли тринадцать автомашин, присланных на вывоз свеклы. Никто с колхозников не решился в праздничные дни прийти на погрузку (Безбожник. Київ. 1940. 3 лютого). То же самое имело место и в селе Швабив Овручского района Житомирской области. Тут, несмотря на то, что правление колхоза пообещало колхозникам записать два трудодня за один день работы в Рождественские праздники, на работы по вывозу удобрений на колхозные поля, за исключением одного колхозника, никто не вышел (Безбожник. Київ. 1939. – 11 грудня). А в Славутском районе Каменец-Подольской области, в Штерницком колхозе даже колхозные звеньевые и комсомолки Ганна Грицаюк, Палажка Конончук и Одарка Рудюк на праздник Троицу, не смотря на то, что весенне-полевые работы были в самом разгаре, на работу не вышли. Более того, в этот день понесли своих детей в соседнее село к священнику, чтобы окрестить

(Безбожник. Київ. 1940. 21 липня). Такого рода сообщениями пестреют не только страницы «Безбожника», но и других республиканских изданий предвоенных годов.

В конце 30-х годов активных форм сопротивления антирелигиозной политике советской власти было уже немного. К ним можно отнести попытки верующих добиться разрешения у власти на открытие церкви. Например, в Харьковской области жители большого села Ольшаны направили целую делегацию в горсовет Харькова с требованием разрешить открыть в селе церковь. Накануне Рождества 1939 года такая же делегация в харьковский горсовет прибыла из села Дергачи (Безбожник. Київ. 1939. 17 січня). На окраине города Никополя – Латышки в 1940 году православная активистка Мария Матяш организовала «пятидесятку» - минимальное объединение граждан для ходатайства перед властью по вопросу аренды культового помещения. Матяш собрала подписи под петицией с требованием разрешить открыть в городе хотя-бы кладбищенскую церковь. Очень скоро активистку правоохранительные органы уличили в «фальсификации подписей». Суд определил Марии Матяш два года заключения (Безбожник. Київ. 1940. 12 жовтня).

К формам активного сопротивления антирелигиозной политике государства следует отнести также и выступления отдельных граждан в защиту церковных сооружений от разрушения. Так, учитель истории средней школы в селе Суботово недалеко от города Черкассы Туменюк И.И. написал письмо в газету «Коммунист», в котором выступил против уничтожения Ильинской церкви – бывшей усыпальнице Богдана Хмельницкого и его сына. А учителя из Канева Бабенко И.П. и Замиховский А.О. обратились в Киевское областное отделение народного образования с требованием усилить охрану этого культового сооружения (Нестуля О. Доля церковної старовини в Україні 1917 – 1941 рр. В 2-х частинах. К.: Б.в. 1995. Ч.2. С.189).

Таким образом, давление государства на религию и церковь в советской Украине в предвоенные годы вызывало противодействие со стороны верующих. Религиозная жизнь продолжалась в разнообразных формах. Верующие находили способы удовлетворить свои духовные потребности.